

Валерий Михайлович КРУЖИНОВ —
доцент кафедры отечественной
истории исторического факультета,
кандидат исторических наук

УДК 947+957

ЧУЖИЕ СРЕДИ СВОИХ: ВОЕННАЯ ОППОЗИЦИЯ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

АННОТАЦИЯ. Вопреки распространенному мнению автор полагает, что платформа военной оппозиции не расходилась с официальной линией на «партизацию» Красной Армии, а многие ее предложения использовались в ходе военного строительства в годы гражданской войны.

Unlike the widespread opinion of the others, the author believes, that the programme of the opposition was the same as the Communist Party formal policy concerning the Red Army, and many of its suggestions were taken into consideration in military construction during the civil war.

Трудно найти работу по истории гражданской войны, в которой хотя бы мимоходом не упоминалось о военной оппозиции — группе армейских коммунистов, выступавших в 1918-1919 гг. против официальной концепции создания регулярной Красной Армии. Однако даже неискушенному читателю не составит труда убедиться, что рабочий инструментарий авторов этих сюжетов никогда не опирался на широту и разнообразие исторических источников и в лучшем случае включал несколько цитат из выступлений В. И. Ленина, бичующих оппозиционеров, и две-три фразы его оппонентов, призванные подтвердить справедливость ленинской критики. Между тем после публикации (Известия ЦК КПСС. 1989. № 8-11) ранее недоступных исследователям «Тезисов о военной политике» видного участника военной оппозиции В. М. Смирнова и стенограммы закрытых заседаний военной секции VIII съезда РКП(б), на которых эти тезисы обсуждались, появилась возможность преломить сложившуюся тенденцию и критически отнестись к утверждениям, казавшимся до сих пор бесспорными.

Контуры военной оппозиции на Восточном фронте стали вырисовываться осенью 1918 г., когда в ходе строительства регулярной Красной Армии большевистское руководство, отказавшись от ряда лозунгов своей предоктябрьской программы (добровольчество, выборность командиров, их равенство с рядовыми бойцами и т. д.), взяло курс на объединение советских войск под единым командованием и подчинение их общим нормам комплектования. В этой связи особенно остро встал вопрос о военных специалистах, знания и опыт которых могли стать основой централизованной военной организации. Проблема, однако, заключалась в том, что большинство бывших офицеров не симпатизировали советской власти и, будучи мобилизованными в Красную Армию, переходили к ее врагам и наносили ей серьезный ущерб. Так, по свидетельству главного политического комиссара 3-й армии Восточного фронта Н. Г. Толмачева, только в январе-феврале 1919 г. в частях армии, где в то время служили 500-600 военных специалистов, было зарегистрировано около ста случаев измены с их стороны [1].

В этой ситуации, чтобы привлечь бывших офицеров на сторону советской власти, РВС Республики установил для них повышенные денежные окла-

ды, знаки отличия (звезды на рукаве), разрешил иметь вестовых и т. д. В декабре 1918 г. СНК предоставил военспецам право самостоятельно решать вопросы стратегически-оперативного характера. Однако сыграв важную роль в строительстве Красной Армии, эти решения вызвали крайне болезненную реакцию в среде армейских коммунистов, привыкших к партизанским методам ведения войны и автономии от центра. Наиболее радикальная их часть требовала полного отказа от использования командного состава старой армии, поскольку «практика показала неспособность старого офицерства повысить боеспособность частей или активно руководить боевыми операциями» (из резолюции партконференции 30-й стрелковой дивизии 3-й армии, 23-24 января 1919 г.) [2]. Требования других носили сравнительно умеренный характер. Не отрицая важности привлечения бывших офицеров к военному строительству, это крыло оппозиции считало возможным использовать их либо в качестве консультантов, либо без предоставления права единоначалия в решении стратегически-оперативных вопросов. Такого мнения придерживался, например, Уральский окружной комиссариат по военным делам, предлагавший назначать на командные должности только членов РКП(б) и «при них технических руководителей из военных специалистов» [3].

В этом же ключе ставились вопросы о расширении функций политических комиссаров и армейских партийных организаций, уменьшении денежного довольствия для командного состава, использовании вестовых, ассоциировавшихся с бывшими денщиками и т. д. Показательна в этом отношении резолюция I конференции РКП(б) сводной Уральской дивизии (20-23 октября 1918 г.), обязывавшая командиров выносить решения, только согласовав их с партийными комитетами, и высказывавшаяся против разрыва в окладах военных специалистов и рядового состава Красной Армии и введения в ней воинских наград и знаков отличия, «кроме как возможности пожертвовать своей жизнью» [4].

В конце ноября 1918 г. дискуссия по этим вопросам начинается на страницах «Правды». Открыла ее статья В. Г. Сорина «Командиры и комиссары в действующей армии», усматривавшая в привлечении бывших офицеров на командные должности отход от политики партии в армии и предлагавшая ограничить права военных специалистов исключительно совещательными функциями [5]. Более острой была статья А. З. Каменского «Давно пора», которая характеризовала военспецов как «николаевских контрреволюционеров» и обвиняла председателя РВСР Л. Д. Троцкого в пренебрежении армейскими партийными организациями и излишней жесткости по отношению к военным комиссарам и даже их расстрелах без суда за допущенные ошибки [6].

Ввиду расхождений авторов этих статей с линией Реввоенсовета Троцкий обратился в ЦК РКП(б) с заявлением, в котором просил Центральный комитет публично высказать свое мнение «является ли политика военного ведомства моей политикой, политикой какой-либо группы или же политикой нашей партии в целом» [7]. В ответ на это письмо 26 декабря в «Правде» было опубликовано специальное постановление ЦК «О политике военного ведомства», в котором подчеркивалось, что деятельность РВСР «ведется на точном основании общих директив, даваемых партией в лице ее Центрального Комитета». Каменскому был объявлен выговор, а его обвинения признаны не соответствующими действительности и опирающимися на «ложные слухи и прямые клеветнические измышления».

Между тем «инсинуации» Каменского далеко не во всем строились на «слухах» и «измышлениях», как указывалось в постановлении ЦК, а затем и

работах отечественных историков. Чтобы в этом убедиться достаточно сослаться на приказ Троцкого о расстреле группы полковых комиссаров Пермской дивизии 3-й армии Восточного фронта, не сумевших предупредить измену командного состава своих частей. После того, как этот приказ поступил для исполнения, члены РВС 3-й армии И. Т. Смилга и М. М. Лашевич направили в ЦК РКП(б) телеграмму, в которой обвиняли Троцкого в «легкомысленном отношении к таким вещам, как расстрел» [8]. Причем, в данном случае ЦК поддержал протест Смилги и Лашевича и требования Троцкого остались неудовлетворенными, что, на мой взгляд, свидетельствует о небеспочвенности обвинений, выдвигавшихся Каменским против председателя РВСР.

Тем не менее постановление ЦК от 26 декабря не могло не сказаться на тональности дискуссии, которая под нажимом сверху приобретает более лояльную в отношении Реввоенсовета окраску. В немалой степени этому способствовала и усилившаяся в начале 1919 г. угроза колчаковского и деникинских вторжений, придавших особое звучание вопросам централизованной организации Красной Армии и использованию опыта военных специалистов. На этом фоне происходит постепенный отказ ряда партийных работников от крайностей военной оппозиции и переход их на более умеренные позиции. Один из представителей этого крыла военной оппозиции член РВС 5-й армии Восточного фронта В. М. Смирнов подготовил к VIII съезду РКП(б) «Тезисы о военной политике», которые, наряду с официальной платформой, изложенной в тезисах Троцкого «Наша политика в деле создания армии», оказались в центре дискуссии на заседаниях военной секции съезда.

Как и Троцкий, Смирнов признавал, что «отсутствие у пролетариата собственного технически подготовленного командного состава делает совершенно неизбежным использование военных специалистов из среды бывшего офицерства» [9]. В то же время в отличие от Троцкого, писавшего, что «в рядах Красной Армии имеются очень многочисленные командиры из состава старой армии, которые с большой пользой для дела выполняют свою ответственную работу» [10], Смирнов считал, что «бывшее офицерство в своей массе близко белогвардейцам» и «тяготеет не к нам, а к нашим противникам» [11]. Исходя из этого, он предлагал усилить «организационную гегемонию партии» в армии, предоставив членам революционных советов право решающего голоса в области оперативных вопросов» [12].

В целом предложения Смирнова сводились к требованию ускоренной «партизации» Красной Армии сверху донизу и в этом отношении не расходились с общей линией большевизма. Разница заключалась лишь в том, что Ленин и Троцкий, следуя тем же курсом, делали упор на слияние революционной убежденности большевистской военной элиты с опытом военных специалистов, в то время как Смирнов видел в этом отход от классовой линии Октябрьской революции и угрозу заражения военного аппарата «паразитическими чиновническими элементами и учреждениями» [13]. «Мы не говорим против специалистов, мы говорим о всей системе» [14], — так определили суть военной оппозиции один из ее участников военком Уральского военного округа Ф. И. Голощекин.

Наличие разных точек зрения на методы и способы военного строительства предопределило острую полемику по этим вопросам на VIII съезде РКП(б), состоявшемся 18-23 марта 1919 года. Ввиду отъезда Троцкого на фронт с докладом о военном положении и военной политике на съезде выступил Г. Я. Сокольников, предложивший «утвердить в качестве незыблемых те положения, которые оправдали себя» [15]. К числу таких положений

докладчик отнес вопросы об использовании в Красной Армии бывших офицеров, выборности командного состава и правах коммунистических ячеек в воинских частях. Касаясь первого из них, Сокольников провел аналогию между военной оппозицией и левыми коммунистами, выступавшими весной 1918 г. против привлечения старых специалистов к управлению промышленными предприятиями. И хотя такое сравнение не было лишено оснований, думается, в первую очередь оно могло иметь отношение лишь к наиболее радикальным элементам военной оппозиции, но отнюдь не к основной ее части, позиция которой, изложенная в тезисах Смирнова, была более умеренной. Не случайно заявление Сокольникова вызвало протесты со стороны оппозиции: «Надо прежде всего отбросить в сторону все возражения и все доказательства, которые идут с официальной стороны насчет специалистов, ибо, я повторяю, нет ни одного человека, который отрицал бы специалистов...» (Голощекин); «Конечно, никто ... не думает отказаться от использования военных специалистов, никто не думает, что можно, как говорится, по-мужицки, по-дурацки, с топором идти против танков» (Г. И. Сафаров, делегат от конференции РКП(б) 3-й армии) [16].

Столь же единодушно эта группа делегатов высказалась против параллелей, которые проводились сторонниками ЦК между тезисами Смирнова и попытками наиболее радикальных элементов военной оппозиции защитить принципы выборности командного состава Красной Армии и наделить партийные организации правом непосредственного вмешательства в распоряжения должностных лиц [17].

В результате по всем вопросам, которые Сокольников предлагал «утвердить в качестве незыблемых», умеренное крыло военной оппозиции, с одной стороны, и сторонники ЦК, с другой, продекларировали близость позиций, предопределив тем самым движение навстречу друг другу.

Единственный вопрос, по которому военная оппозиция, как ее радикальная часть, так и умеренная, разошлась с официальной линией, касался функций комиссаров в армии. Если Сокольников считал, что теперь, когда «многие из военных специалистов доказали уже на деле степень своей политической и технической пригодности», «можно будет меньше обременять комиссаров вопросами чисто боевого, стратегического и тактического характера и больше переходить к политической работе в армии» [18], то Смирнов утверждал, что такой вывод поспешен и, наоборот, «как раз теперь, когда у нас есть политические комиссары, имеющие достаточный боевой опыт и умеющие не вмешиваться, когда это не нужно, необходимо предоставить им более широкие права, большее участие в управлении армией» [19].

Еще категоричнее высказался по этому вопросу В. М. Мулин (3-я армия), близкий к радикальному крылу военной оппозиции. «В настоящую минуту, — заявил он, — говорить о том, что институт комиссаров отжил, — это значит лить воду на враждебную мельницу. Ясно, как божий день, что в армии решающее слово принадлежит комиссару и будет принадлежать комиссару» [20].

В то же время предлагая наделить военно-комиссарскую верхушку правом решать оперативные вопросы, многие участники военной оппозиции указывали на ее отрыв от солдатских масс и нарастающую бюрократизацию. Однако, кроме обвинительных деклараций, эта линия не получила продолжения в практических предложениях оппозиции и ограничилась набором общих рассуждений о необходимости лучшего подбора и распределения комиссарского корпуса.

В целом реализация той части платформы военной оппозиции, которая касалась функций военных комиссаров, неизбежно вела к «двоевластию» в

Красной Армии, и, следовательно, несла в себе потенциальную угрозу дезорганизации военного командования и была лишена прагматизма, характерного для их оппонентов. Неудивительно, что именно на этих аспектах разногласий сфокусировал внимание Ленин, произнесший речь на закрытом заседании съезда. Он не согласился с утверждениями сторонников умеренного крыла оппозиции, что их точка зрения не отличается от линии ЦК, и заявил, что создать массовую боеспособную регулярную армию невозможно без правильного использования опыта и знаний военных специалистов, причем не в качестве консультантов, а для командования и управления армиями и фронтами.

Более резко Ленин охарактеризовал тех сторонников оппозиции, которые выступали против привлечения бывших офицеров в Красную Армию в принципе. В этой связи он обвинил их в партизанщине и непонимании, что наступил другой период, когда на «первом плане должна быть регулярная армия». В ответ на заявление бывших членов Реввоенсовета 10-й армии Южного фронта К. Е. Ворошилова и С. К. Минина, которые гордились, что в их армии не было специалистов и тем не менее в боях под Царицыным в 1918 г. она, потеряв 60 тысяч человек, добилась успеха, Ленин резонно заметил, что «по 60000 мы отдавать не можем» и, если бы в 10-й армии были военные специалисты, она достигла того же результата, но ценой значительно меньших потерь [21].

В русле этой полемики Ленин еще раз высказался против обвинений в адрес Троцкого, будто бы проводящего в армии особую линию, отличную от линии ЦК. Отвергая подобные обвинения, Ленин говорил: «Когда здесь выступал т. Голощекин, он сказал: политика ЦК не проводится военным ведомством. Если вы такие обвинения ставите, если вы, выступая ответственным оратором на партийном съезде, можете Троцкому ставить обвинение в том, что он не проводит политику ЦК, — это сумасшедшее обвинение. Вы ни тени доводов не приведете. Если вы это докажете, ни Троцкий не годится, ни ЦК» [22].

Вместе с тем пытаясь облегчить возможность компромисса с военной оппозицией, Ленин поддержал ее требование об усилении комиссарского контроля за военными специалистами. В этом же контексте, по-видимому, следует рассматривать и решение состоявшегося сразу же после съезда пленума ЦК, который указал Троцкому «на необходимость как можно более внимательного отношения к работникам-коммунистам на фронте, без полной товарищеской солидарности с которыми невозможно проведение политики ЦК в военном деле» [23].

Примечательно, что эти шаги были сделаны в ситуации, когда расстановка сил на съезде складывалась не в пользу военной оппозиции и позволяла надеяться, что за тезисы Троцкого проголосует большинство делегатов. И тем не менее Ленин счел возможным пойти на некоторые уступки своим оппонентам. Мотивы, которыми он руководствовался, избирая такую тактику, могли сводиться к следующему.

Во-первых, Ленину приходилось учитывать, что соотношение сил на съезде не отражало в полной мере степень влияния военной оппозиции в армейских партийных организациях. Это показали итоги голосования на военной секции съезда, где тезисы Смирнова получили 37 голосов, а тезисы Троцкого — 19. Г. Е. Зиновьев, комментируя эту ситуацию, говорил на собрании партийного актива Петрограда: «В меньшинстве (имеется в виду военная оппозиция — В. К.) голосовали красноармейцы, фронтовики. Они, конечно, как дисциплинированные товарищи подчинились бы большинству партии,

но для того, чтобы они с самоотвержением работали на фронте, умирали с открытой душой, надо было постараться столкнуться» [24].

Во-вторых, выступая за использование опыта и знаний офицеров старой армии, В. И. Ленин, как и остальные большевистские лидеры, никогда не связывал этот вопрос с наделением военных специалистов правом на политическое самовыражение. Будучи типичным сторонником «партизации» Красной Армии, он не мог не видеть, что основная масса военспецов даже не демонстрировала желания вступить в РКП(б) и оставалась беспартийной. У Ленина это обстоятельство вызывало острые вспышки беспокойства. Периодически они подогревались противниками председателя РВС Республики. Вот что позднее писал по этому поводу Троцкий: «Не мудрено, если военная работа создала мне немало врагов. Я не оглядывался по сторонам, отталкивая локтем тех, которые мешали военным успехам, или в спешке наступал на мозоли зевакам и не успевал извиняться. Есть люди, которые все это запоминают. Недовольные и обиженные находили дорогу к Сталину, отчасти к Зиновьеву. Эти ведь тоже чувствовали себя обиженными. Каждая неудача на фронте вызывала натиск недовольных на Ленина... Подавались записки о неправильности военной политики, о моем покровительстве спецам, о слишком жестком режиме по отношению к коммунистам и пр. Отставленные полководцы и неосуществившиеся красные маршалы подавали доклад за докладом о пагубности стратегических планов, о саботаже командования и о многом другом» [25].

Один из таких эпизодов имел место весной 1919 г. во время неудач Красной Армии на Восточном фронте, когда колчаковские войска приближались к Волге и Ленин, мучаемый сомнениями, даже поставил перед Троцким вопрос: «А не прогнать ли нам всех спецов поголовно и не назначить ли (старого большевика, — В. К.) Лашевича главнокомандующим?» Троцкий, охарактеризовавший это предложение как «детские игрушки», так описывает последующий разговор с Лениным:

— Вы спрашиваете, не лучше ли прогнать всех бывших офицеров. А знаете ли вы, сколько их теперь у нас в армии?

— Не знаю.

— Примерно?

— Не знаю.

— Не менее тридцати тысяч.

— Ка-а-ак?

— Не менее тридцати тысяч. На одного изменника приходится сотни надежных, на одного перебежчика два-три убитых. Кем их всех заменить? [26].

О том, что этот разговор действительно имел место и Троцкому удалось переубедить Ленина, свидетельствует признание последнего в одном из выступлений весны 1919 г., в котором он сказал: «Когда мне недавно т. Троцкий сообщил, что у нас в военном ведомстве число офицеров составляет несколько десятков тысяч человек, тогда я получил конкретное представление, в чем заключается секрет использования нашего врага... как строить коммунизм из кирпичей, которые подобраны капиталистами против нас» [27].

Однако поддерживая Троцкого, Ленин не решался пойти на разрыв с его противниками. Сам Троцкий объяснял это тем, что Ленин «боялся конфликта, раздора, личной борьбы» [28]. Отсюда элементы двойственности в ленинской позиции: с одной стороны, демонстрация солидарности с председателем РВСР, а с другой, лояльное отношение к его оппонентам. Кроме ослабления внутрипартийных противоречий, что само по себе было немало важно, такая тактика создавала Ленину имидж лидера-объединителя, мнение которого в конфликтной ситуации воспринималось как голос арбитра.

В результате резолюция по военному вопросу была принята на съезде единогласно, при одном воздержавшемся. Она состояла из двух разделов, первый из которых повторял тезисы Троцкого, а в основу второго легли практические предложения Смирнова. Анализ этого документа, как и предшествующей ему дискуссии, не позволяет согласиться с доминирующим в историографии представлением, что VIII съезд РКП(б) отверг платформу военной оппозиции, как несовместимую с политикой большевистской партии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 148.
2. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 358. Л. 103 об.
3. Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917-1920 гг. М., 1988. С. 81.
4. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 358. Л. 81-87.
5. Правда. 1918. 26 ноября.
6. Там же. 25 декабря.
7. The Trotsky papers. 1917-1922. V. 1917-1919. London-Paris, 1964.
8. Цит. по: Кораблев Ю. И. Защита Республики: как создавалась Рабоче-Крестьянская Красная Армия // Переписка на исторические темы. М., 1989. С. 177.
9. Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 182.
10. Известия. 1919. 25 февраля.
11. Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М., 1959. С. 154.
12. Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 183-184.
13. Там же. С. 182.
14. Там же.
15. Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. С. 144.
16. Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 136, 143.
17. См.: Там же. С. 136, 137, 162, 164 и др.
18. Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. С. 150.
19. Там же. С. 156.
20. Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 151.
21. Ленинский сборник XXXVII. С. 136.
22. Там же.
23. Там же. С. 142.
24. Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 193.
25. Троцкий Л. Д. Моя жизнь: опыт автобиографии. М., 1991. С. 424-425.
26. Там же. С. 425.
27. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 55.
28. Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 428.

Александр Георгиевич ЕМАНОВ —
заведующий кафедрой истории древнего
мира исторического факультета,
доктор исторических наук

УДК 940. 1

ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА КАФЫ XIII-XV вв.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается феномен космополитической культуры средневекового города Кафы, складывавшейся из взаимодействия греко-понтийской, тюрко-арабо-исламской, иудео-караимской, латинской и кавказской культурных традиций.